

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/8

Аксиологические коннотации славянских этнонимов

Н.Ф. Алефиренко¹, И.И. Чумак-Жунь²

^{1,2} Белгородский государственный университет
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14

¹ E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

² E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Авторское резюме

Проблема аксиологической коннотации славянских этнонимов – предмет междисциплинарного исследования этнолингвистики и лингвокультурологии. Представлено метафизическое осмысление первичной природы мира и бытия в ракурсе деления социума на своих/чужих и, соответственно, этнонимы экзонимической и эндонимической природы. В центре внимания находится тонкая грань между этнонимами, беспристрастными названиями народов, и этнофолизмами, обладающими экспрессивно-стилистическими и эмотивными маркерами. Доказывается, что этнофолизмы, заключающие в себе не только познавательный опыт, но и аксиологическое восприятие отличительных этнических признаков, обладают определённой модусной природой (выражают субъективно-личностное отношение к иным этническим сообществам): визуальной, социальной и аудиальной. Рассматриваются обуславливающие аксиологическую коннотацию четыре дискурсивно-прагматических типа этнонимов: 1) имена своих как репрезентанты этнокультурной картины мира; 2) этнонимы, представляющие иную культуру и образ жизни; 3) этнонимы, выражающие отношение к экзохтонным этносам; 4) этнофолизмы, служащие лексико-семантическим инструментом выражения агрессии к «чужим» и средством провокации. Должное внимание отводится проблеме пополнения современного «языка вражды» неологизмами. Выделяются различные социоисторические признаки их внутренней формы. Обращается внимание на то, что, хотя традиция называть жителей других регионов обидными прозвищами не нова, в наше время, когда сообщество находится в турбулентном геополитическом состоянии, пренебрежительное употребление этнонимов, их искажение может усиливать социальную напряжённость.

Ключевые слова: этнонимы, этнофолизмы, аксиология, коннотация, лингвокультура, субъективно-смысловые модусы

Axiological connotations of Slavic ethnonyms

Nikolai F. Alefirenko¹, Irina I. Chumak-Zhun²

^{1,2} Belgorod State University

14 Studentskaya street, Belgorod, 308007, Russia

¹ E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

² E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Author's summary

The problem of axiological connotation of Slavic ethnonyms is the subject of interdisciplinary research of ethnolinguistics and linguoculturology. The article presents a metaphysical understanding of the primary nature of the world and existence in the perspective of the division of society into us / them and, accordingly, the ethnonym of exonymic and endonymic nature. The focus is on the fine line between ethnonyms, impartial names of nations, and ethnopholisms with expressive stylistic and emotive markers. It is proved that ethnopholisms, which include not only cognitive experience, but also axiological perception of distinctive ethnic features, have a certain modus nature (express a subjective and personal attitude to other ethnic communities): visual, social and audial. Four discursive-pragmatic types of ethnonyms that determine the axiological connotation are considered: 1. The names of us as representatives of the ethno-cultural picture of the world. 2. Ethnonyms representing a different culture and way of life. 3. Ethnonyms expressing attitudes towards exochthonous ethnoses. 4. Ethnopholisms that serve as a lexical and semantic tool for expressing aggression towards "others" and a means of provocation. Due attention is paid to the problem of replenishing the modern "language of enmity" with neologisms. Various socio-historical signs of their internal form are distinguished. Attention is drawn to the fact that although the tradition of calling residents of other regions offensive nicknames is not new, nowadays, when the community is in a turbulent geopolitical state, the disparaging use of ethnonyms and their distortion can increase social tension.

Keywords: ethnonyms, ethnopholisms, axiology, connotation, linguoculture, subjective-semantic modi

Введение

Разгадку природы аксиологической коннотации славянских этнонимов следует искать в анналах этнолингвистики (О.В. Белова [2], Ю.В. Бромлей [4], А. Вежбицкая [7], А.С. Гердт [10], Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова [11], Е.С. Мучкина [21], Толстая [28], Г.Г. Шпет [32]). Даже близкородственные языки в ходе познания действительности их носителями формируют самобытный мир. Определяя в нём духовные и моральные предпочтения, они создают некую аксиологическую психоматрицу, которая закладывает ценностную доминанту восприятия образа мира как базового объекта этнокультуры (подробнее об этом см.: [1: 21–22]).

При метафизическом осмыслении первичной природы мира и бытия, предполагающем деление общества на *своих/чужих*, первый признак *чужого* – этнический. Чужой – это носитель иной внешности, иной культуры, иного языка [4; 5]. Основной маркер этнической принадлежности – этноним. Славянские этнонимы (именования народов) – способ автохтонного обозначения и этнического самоопределения (*белорус, русский, украинец, чех, серб, поляк*). Они носят не только денотативный характер, выступая беспристрастными названиями этносов, но и при определённых синонимических вариациях приобретают аксиологические коннотации. В этом случае они настолько отличаются от узуальных названий, что их обозначают отдельным термином «этнофолизмы» (от др.-греч. ἔθνος – *племя, род* и φαῦλος – *дурной, ничтожный*). Этнофолизмы – так называемые вторичные этнонимы, которые используются в качестве неофициальных именований народов, могут быть иронично-доброжелательными и агрессивными. В первом случае – это этнические клички, этнические инвективы, этнодисфемизмы. Этнофолизмы, выражающие агрессию, нередко становятся детонаторами прикрытой и явной неприязни, пренебрежительного отношения к «другим».

1. Этнонимы как средство когнитивно-прагматической репрезентации межэтнических отношений

Этнофолизмы, на первый взгляд, воспринимаются как шутка, выстроенная на бросающемся в глаза отличии чужого этноса от автохтонного. Так, носителями когнитивно-прагматической вербализации межэтнических отношений являются стереотипные чешские прозвища русских – *rusák*, украинцев – *chuchol*, поляков – *pšonek*, словаков – *chobo*, напротив, *pepík* или *caizl* – моравские клички чехов. Ироничные или шуточные коннотации присущи, главным образом, прозвищам представителей своего этноса – эндогенных групп, проживающих

внутри этноса. В качестве яркого примера восточнославянской этнической клички может служить слово *рагуль/рагули*, производное от лексемы *рога*. Так на Западной Украине – надменно и чванливо – горожане называют сельских жителей, поскольку те ухаживают за *рогатым* скотом. Их функционально-стилистическим соответствием в русском языке выступают просторечные лексемы *быдло* ‘люди с низким социальным статусом’ и *лох* ‘пентюх, балбес’. Своеобразие таких этнических кличек, как *рагули*, *западенцы*, состоит в когнитивно-прагматической репрезентации того или иного регионального этнического сообщества. *Рагули* – региональный этнофолизм, бытующий внутри западноукраинского дискурса; *западенцы* – этнофолизм, которым восточные украинцы называют западных.

Для подшучивания над жителями других регионов, иногородних, служат иронические прозвища, примерами которых являются этнофолизмы, бытовавшие внутри Московского государства: тверичи – *козлы*, рязанцы – *косопузые* и *кособрюхие*, вятичи – *слепороды* и *свистоплясы*, коломенцы – *чернонёбые*; дмитровцы – *лягушечники*, ростовцы – *вислоухие* и *лапшееды*.

В сибирской диалектной речи для названия коренных русских жителей Сибири употребляется этнофолизм *чалдон/челдон*. В разговорной речи данный этнофолизм приобрёл, согласно Толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, сниженную и даже бранную коннотацию – ‘тот, кто вызывает неудовольствие, раздражение, гнев’ [8]. Кстати, с этой же коннотацией употребляется и содержащий эту лексему региональный (костромской) фразеологизм *чалдон пустой* у кого – презр. ‘О глупом, легкомысленном человеке’ [20]. Слово *чалдон* в костромских говорах употребляется в значении ‘голова’ [14].

Если этнофолизмы, обозначающие автохтонные территориальные этнические группы, носят преимущественно шуточный смысл, то прозвища иноземцев чаще всего таят в себе прикрытую неприязнь, пренебрежительное отношение и даже агрессию. Причиной агрессии служат, как правило, иррациональные аксиологемы. Они находятся вне светлой зоны сознания, поскольку, как утверждал Лев Гумилёв, основаны на «эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти» [12: 253]. Ярким примером тому служит этническая кличка *свидомит*. Это российское название, содержащее открытое презрение к жителям Украины, активно поддерживающим нынешний киевский режим. Образован он от украинского прилагательного *свідомий* (рус. *сознательный*). В современном украинском дискурсе популярно выражение *свідомі громадяни* – рус. *сознательные граждане*. Этнофолизм *свідомиты* является синкретизмом двух слов *свідомі* + *садомиты*. Вторая составляющая этнофолизма придаёт прозвищу язвительно

уничижительную коннотацию, выражающую предельное презрение к украинским националистам.

Поскольку этнофолизмы отражают восприятие отличительных этнических признаков, они обладают определённой субъективно-смысловой природой (отношением к *иным* сквозь личностную призму коммуниканта): **визуальной** (*кацап, хохол*), **социальной** или **социально-бытовой** (*литвин, москвитянин, москаль*) или **аудиальной** (*пшек*).

1. Носителями визуального модуся¹ являются, например, весьма употребительные этнонимы *хохол* и *кацап*. Визуальные истоки этимона слова *хохол* восходят, как полагал В.И. Даль, к облику запорожских казаков, которые выбривали головы и оставляли чубы, называемые *оселедцем*. Даль разъясняет: «*хохол*ок, -*лочек*, *хохлик*, *хохлица* – чуб, клоч шерсти, волос, перьев на голове; взбитые вверх волосы надо лбом, причёска хохлом; клоч длинных волос на темени» [13: 579]. Кроме этого, бывает голубь с хохлом, хохлатая курица (с хохолком на голове), хохлатый жаворонок и даже хохлатый подорожник.

Следует отметить, что слово *хохол* употреблялось без оценочно-стилистической коннотации, о чём свидетельствуют пословично-поговорочные выражения типа: «*Чужую курицу как хошь дери, а свою за хохол держи. Рада б курочка в пир, да за хохол тащат!*». И только в статусе этнонима это слово обретает в паремиях аксиологические коннотации: «*Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврёт, да и правды не скажет*» [13: 579].

Этимон слова *кацап* также основан на визуальном восприятии украинцами образа великорусов. Бритому с хохлом на голове запорожцу бородатый великоросс казался подобием козла (*козёл* – по-украински *цап*). Основанием такого сравнения было наличие у козла (*цапа*) бороды. По этому признаку великоросс воспринимался как *цап*. В результате слияния усечения сравнительного союза (*как* → *ка*), ставшего экспрессивной приставкой, с существительным *цап* и возник этноним *кацап*, который стал употребляться в качестве экспрессивно-стилистического синонима к слову *москаль* [29: 213].

Как показывает даже небольшой лингво-исторический экскурс, изначально *хохлами* и *москалями* называли лиц, принадлежавших к воинскому сословию, и лишь позже этими словами стали именовать современных украинцев и русских. Данные этнонимы употребляются как парные именованья. Они существуют в одном дискурсивном пространстве. Особенно это свойственно массмедийному дискурсу.

2. Социальный модус этнонимов определяется беспристрастным восприятием другого этноса (*литвин, москаль/москвитянин, болгарин*).

Обычно возникновение подобных этнонимов связано с определёнными социально-историческими условиями жизни этноса. Так, слово

литвин как именование белорусов – политоним социально-исторического содержания. Он указывал лишь на подданство Великому княжеству Литовскому вне зависимости от этнической принадлежности человека. Слово *литвин* соотносимо с широкозначным словом *россиянин*. Так же, как россиянами являются все этносы, входящие в состав РФ (татары, якуты, калмыки, башкиры и др.), литвинами могли называться и другие этносы, входившие когда-то в состав Великого княжества Литовского (украинцы, великороссы), – отсюда восточнославянские фамилии *Литвиненко*, *Литвин*, *Литвинов*. Тем не менее, с этнонимом *литвины* идентифицируют себя чаще всего белорусы.

Социально значимыми смыслами характеризуются также этнонимы *москаль* и *московитянин*. *Москаль* – этническое прозвище, которым украинцы, белорусы и поляки называли русских, точнее, солдат российской армии [18]. Оно зафиксировано в письменных источниках уже с XVII в. В произведениях Тараса Шевченко выражение «*забрили в москалі*» означает «забрали на 25-летнюю службу в армию». В исторических летописях Великое княжество Московское называлось короче – *Московия* [6: 24]. Поэтому наряду с этнонимом *москаль* встречаем его синонимы *московит*, *московитянин*, *москвитянин*.

Изначально слово *москаль* указывало на геополитическую принадлежность человека к Москве и Московии. Но с течением времени слово *москаль* начало приобретать негативный оттенок именно на территориях Польши, Беларуси, Литвы и Украины, которые были включены в состав Российского государства. Украинское слово *москаль* и белорусское *маскаль* от польского *moskal* ‘выходец из Москвы (Московии)’ означало ‘русский (солдат)’. В этом значении слово *москаль* фиксируется и в словаре Даля. Межэтническое напряжение того времени отразилось на семантике слова *москаль*, в частности, в составе паремий. Ср.: «С **москалем** дружись, а камень за пазухой держи (а за кол держись). Мутит, как **москаль** на селе» [13: 579].

Выражение «*Мутит, как **москаль** на селе*» связано с расселением солдат по сельским хатам, поскольку русская армия до второй половины XIX в. не имела казарм. Прозвище не сразу приобрело негативный оттенок. С нейтральной коннотацией (‘воин’) оно употреблялось и болгарами: «*По време на кампаниите руските войски не живееха в казарми и лагери, а в колибите на кореното население, което ги хранеше. Дали **войникът (Москал)** щепъде сит или гладен, зависеше от способността му да “договаря” със собствениците на къщата за ларви*».

Однако нередко квартировавшие солдаты, забыв про обещания в верности, оставляли обольщённых местных девушек. Болгарский автор пишет: «*И когато дългът повика войник в други земи, връзки те*

с местните момичета бяха забравени. Тогава се появява глаголт “москалит” – мамя, мамя // А когда долг звал солдата в другие земли, связи с местными девушками забывались (<https://minikar.ru/bg/happiness/obidnye-i-ne-ochen-prozishcha-russkih-obidnoe-prozishche/>). Не случайно, со временем в болгарском языке появился глагол «москалите» в значении ‘обманывать’. Подобные случаи, разумеется, отразились и на формировании малороссийского образа москаля и пейоративной аксиологической коннотации слова *москаль* в украинском языке.

Вспомним отрывок из поэмы Т.Г. Шевченко «Катерина»:

*Кохайтеся, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине...*

В отличие от чужого москаля, «свои» этнонимы наделяются положительными смыслами. Поиск социальной мотивации этнонимов побуждает некоторых националистически настроенных «этнографов» искать сомнительные этимологии этнонима хохол, чтобы перевести экзонимический этноним в эндонимический.

Аудиальный модус этнофолизимов порождается слуховым восприятием чужой речи. Он лежит в основании, пожалуй, единственного славянского этнонима *пшеки* (*пшек*) – поляки. Слуховому восприятию польской речи обязан и чешский этнофолизим *Pšonci* (мн. ч. – ‘поляки’), *Pšonek*, *Pšonec*, *Pšon* – (ед. ч. ‘поляк’). В польском издании «Przeglądu Tygodniowego» (Еженедельный обзор) даётся следующее толкование этого этнического прозвища: «*Pšonek to czeskie niezbyt sympatyczne określenie Polaków*» (www.tygodnikprzeglad.pl – 3 sierpnia, 2015) // «*Пишонец* – чешское не совсем добродушное именование поляка». Несомненно, возникновение данного этнического прозвища обязано «шипящему» характеру польской речи. Достаточно вспомнить шуточное использование этой «шепелявости» М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города», где упоминаются паны **Пшекшицюльский** и **Кшепшицюльский**. Вообще, по речевому своеобразию нередко называют соседние этнотерриториальные группы. Так южнорусское население (например, в Тамбовской и Воронежской областях) получило прозвище *цуканы* (цекуны, *цуканы*). Ср. в Словаре Даля: *цукан* – муж., тамб., вор. цокальщик, кто говорит [ц] вместо [ч]. Одну из самых западных автохтонных этнических групп русинского народа, проживающего на северных склонах Карпат (на Украине, в Польше

и Словакии), называют лемками. В их речи часто встречается заимствованное у словаков слова *лем* – ‘только, лишь’ [34: 219].

Отражая примитивные представления, предрассудки, предубеждения и даже вражду, такие этнонимы изначально представляют собой просторечный пейоративный лексикон с уничижительной, презрительной, пренебрежительной коннотацией.

II. Типы аксиологической коннотации славянских этнонимов

Векторы аксиологической коннотации обуславливаются четырьмя дискурсивно-прагматическими истоками этнонимов.

1. Имена *своих* как репрезентанты этнокультурной картины мира. Этнонимы, по мнению исследователей, раскрывают некоторые особенности «национальной души» [25; 26]. Канонизируясь, название территории приобретает конвенциональные смыслы, превращаясь в священное имя нации. Употребление этнонима вызывает в сознании носителей языка свёрнутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах, оценки референтов, коллективные пресуппозиции об общности истории, «крови», интересов, культурной традиции. Так, в Средние века жителей Восточной Славии (особого, по сути, единого сильного суперэтноса) именовали словосочетанием *руський народ* или *руськи люди*. Наряду с ним древнейшим названием всех восточных славян (нынешних белорусов, русских и украинцев) было слово *русь* как обобщенное название всех жителей древнерусских земель по аналогии с *весь, воль, чудь, мурома*. В данном случае название этноса употреблялось как омоним топонима *Русь* (*Киевская Русь*). Причём стоит обратить внимание, что происхождение самого топонима *Русь* восходит к названию одного из племён Восточной Славии – *росов/русов*.

Названием отдельного члена данного сообщества служило слово *русин*, которое несколько раз встречается в «Повести временных лет» (1110-е годы). В списке «Слова» 1800 г. также употребляется этноним *русичи* (*русици*) [27: 29]. Этнонимом *русины* именовались жители древнерусского княжества и в литовских, и в польских документах.

Употреблялся данный этноним и в XVIII в. во времена Гетманщины, когда часть «руських» земель, управляемых гетманом, оказалась под протекторатом (покровительством, защитой) русского царя. Этноним *русины* встречается, например, в драме «Милость Божия» (1728 г.), поставленной в Киеве в честь возведения в гетманы Войска Запорожского миргородского полковника Данила Апостола.

Стереотипы, которые стоят за этнонимами, находят отражение в фольклорном, песенном, юмористическом дискурсах. Одним из

доказательств того, что этноним *русин* употреблялся кобзарями в середине XIX в., является фраза, записанная в думе черниговского кобзаря Андрія Шута: «...в нас гетьман Хмельницький, **русин**». Даже в конце XIX в. этот этноним фиксируется в труде М. Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше» [22]. Русичей из центральных регионов Руси, поселившихся на землях западных славян, называли *руснаками* или *русаками*.

Осознанию автохтонного этнического пространства способствует употребление этнонимов в фольклорном и художественном дискурсах. Ср. самоидентификацию белорусов как литвинов в песне белорусского ансамбля «Ліцвіны»: «*Ой дарожка доўгая да дому За Вялікае Княства за Карону Пераможам ворага ў спакусы Мы ж Літвіны, Мы ж Беларусь*». Именования этнических групп внутри одного и того же народа обычно лишены аксиологических коннотаций. Так, украинцев и белорусов, населяющих Полесье, называют *полищуками* (прозвище закрепилось в фамилии *Полищук*).

Название поляков в фольклорных сборниках – ***Polacy***. Данный этноним зафиксирован А. Афанасьевым в работе «Поэтические воззрения славян на природу»: «*Pod koniec XIX wieku na Gromnicznq Polacy zapalali tyle świec ilu było członków rodziny, wierząc, czyja świeczka zgaśnie pierwsza ten wkrótce umrze*» [24]. Более информативным в лингвокультурологическом отношении является этноним *ляхи* (поляки). Им летописец Нестор называл все западнославянские племена – полян, лютичей, мазовшан и поморян, обосновавшихся на Висле, т. е. там, где располагается современная Польша: «Словѣне же ови пришедше и съдоша на Вислѣ, и прозвашася ляховѣ, а от тѣхъ ляховѣ прозвашася поляне, ляховѣ друзии – лютицѣ, инии мазовшане, а инии поморяне» [23]. Слово *ляхи* имеет этимологическое родство с нынешним этнонимом – *поляки*. Их роднит сема, указывающая на местность (*поле* – засеиваемая, возделываемая безлесная равнина; обширное пространство; *ополье* – то, что вокруг полей (ср. название города *Ополе*); *поляк* – этноним, образованный от названия жившего на равнине славянского племени «поляне»). Налицо его этимологическое родство с другим этнонимом – *лях*. Выдающийся словацкий славист Павол Йосеф Шафарик в своём фундаментальном исследовании «Славянские древности» отмечал, что слово *ляха* встречается во всех славянских языках со значением ‘поле, гряда, борозда’ [31]. Пётр Алексеевич Лавровский, профессор-славист Харьковского и позже ректор Варшавского университета, углубляет идею П. Шафарика. Он указывает, что издревле лексические дублиеты *лѣх*, *лях* и *лех* обозначали человека, занимающегося расчисткой выжженного для земледелия леса. Учёный утверждал, что в слове *лях* (= *лех*) рус-

ское «я» появилось на месте носового Δ (= ен) [15]. Впоследствии слово *лях* стало этнонимом, обозначающим поляков. Существует и более поэтическое, легендарное объяснение происхождения этого этнонима – в одной из древнечешских хроник легендарный родоначальник поляков называется Лех, а братья Лех, Чех и Рус, гласит легенда, стали основателями славянских этносов [9].

2. Этнонимы, представляющие иную культуру и образ жизни. Этнофолизмы в лингвокультуре – экспликативные пейоративные коннотации в именовании чужого. В ранних произведениях, написанных на русском языке, но представляющих украинскую картину мира, Н.В. Гоголь употребляет этнофолизмы, иронично характеризуя *москалей* и *ляхов* как представителей этносов, которые выступают по отношению к украинцам как чужие [30]. Так же иронична его языковая игра с номинантом *кацапня*, образованном от этнофолизма *кацап*, в письме к Максимовичу: *Бросьте, на самом деле, кацапню и едьте на гетманщину*. Такие этнофолизмы лишены коннотации агрессивности, служат средством выражения добродушной иронии. Подобную шутивную коннотацию несёт и этнофолизм *Рерісі*, которым поляки и словаки называют чехов. Его происхождение не поддаётся научной этимологии. Имеются предположения, что данный этнофолизм является видоизменённой уменьшительно-ласкательной формой весьма популярного у чехов имени Йозеф или модифицированной до неузнаваемости лексемы *пражанин* [33].

Гастрономические предпочтения, пожалуй, наиболее ярко отражены в белорусских этнофолизмах. Кухня белорусов отличается множеством разнообразных блюд из картофеля («бульбы» по-белорусски), которым славится белорусская земля. Этим и объясняется происхождение этнонима *бульбаш*, которым называют белорусов их соседи – русские и украинцы. Он, кстати, не приобрёл оскорбительной коннотации, и в наше время также остаётся средством выражения доброжелательной иронии.

3. Этнонимы, выражающие отношение к экзохтонным этносам (гр. *exo* снаружи + *genesis* происхождение).

Единицы данной группы этнофолизмов, как правило, служат как для безмодусного описания в художественных текстах *чужих как* иных, так и как способ выразить отношение к чужому. *Не пора, не пора, не пора Москалеві й ляхові служити; Довершилась України кривда стара – Нам пора для України жити!* (И. Франко). Слова *москаль* и *лях* для украинского поэта – экзохтонные этнофолизмы с денотативными значениями, не содержащие аксиологической коннотации.

4. Этнофолизм как лексико-семантический инструмент выражения агрессии к чужим и как средство провокации. Этнофолизмы данной

группы выражают стереотипное восприятие, под которым обычно понимается упрощённый, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех её представителей [19; 21]. Коннотация агрессивности этнических прозвищ особенно явно проявляется в современном медиадискурсе. Чаще всего такой медиадискурс рассчитан на поколение молодых реципиентов, чтобы внедрить в их сознание не только пренебрежительное отношение к другим народам, но и вызвать агрессивные по отношению к ним действия [17]. Такие этнофолизмы активно используются в провокационных лозунгах и речёвках для разжигания безумной ненависти к представителям другого народа (*бей жидов, спасай Россию; кто не скачет, той москаль*), причем в зависимости от политической атмосферы объект может меняться. Так, в украинском сегменте интернета детализируется история слогана *москаляку на гіляку*: «Слоган виник у часи паціфікації у варіанті “**поляка** на гіляку”, <...> видозмінився зі згадкою **комуняк**, а потім і **москаляк**».

Современный «язык вражды» пополняется новыми этнофолизмами. Их внутренней формой служат различные социоисторические признаки. Внутренней формой слова *рашка* (*рашковане, рашисты*) служит аудиальное восприятие английского слова *Russia* [раша]. *Орки* – этнофолизм, используемый в украинских СМИ, заимствован из английской лингвокультуры. В западноевропейских сказках и легендах им называли уродливых и агрессивных гуманоидов, которые контрастировали добрым эльфам. Буквально лексема *орки* означает ‘чужеземцы’, несущие зло (для англичан таковыми были норманны). Подобным образом орки представлены английским писателем Джоном Рональдом Руэлом Толкиным в романе «Властелин колец», написанном во время Второй мировой войны. В 2001–2003 гг. роман был экранизирован Питером Джексоном. Фильм не оставил равнодушными зрителей многих стран. Это, конечно, стимулировало появление этнофолизма в украинской прессе.

Этнофолизмы *угро-финны* и *угро-буряты*, которыми обзывают русских в украинских СМИ, имеют внутреннюю форму: признак, подразумевающий влияние угро-финнского этноса на формирование антропологической и этнокультурной природы русских. Такого рода этнофолизмы имеют ксенофобскую попытку разорвать исторические и генетические связи восточнославянских народов. На самом деле, В.В. Бунак установил незначительную угро-финскую долю в генетике русского этноса [6]. Другие выражения, встречающиеся в украинских СМИ, являются этнофолизмами, которые свидетельствуют, скорее, о необузданной русской ксенофобии, оскорбляющей все другие восточные народы: *тупая восточная шваль, угробурятская недонация, чухонь*.

Если первые два выражения, скорее, не этнофолизмы в прямом смысле, а открытые хуления и бичевания, то *чухонь/чухонцы (чудь)* – уничижительная кличка финно-угорских народов [29: 389].

Оскорбительную коннотацию несёт этнофолизм *ватники* – интернет-мем, ироническое прозвище людей, которые высказывают в современном конфликте пророссийские настроения [16]. В основе этого этнофолизма лежит убеждение, что *ватник* как предмет одежды (телогрейка) – изобретение русских. Употребляющие этот этнофолизм не знают того, что ещё в X веке ватник использовался в качестве военной униформы (лёгкой брони) для византийских пехотинцев, а в годы Великой Отечественной войны, охраняя от стужи, сохранял людям жизнь.

Внутренней формой этнофолизма *укропы* служит именование сторонников Евромайдана и современного киевского режима, ориентированных на Запад и преисполненных антироссийских убеждений. В сознании тех, кто поддерживает киевский режим, УКРОП – это вовсе не этнофолизм, а сокращённое именование ‘украинское объединение патриотов’. В этом смысле *укроп* является акронимом, который в отличие от аббревиатуры, произносимой по названиям букв, озвучивается и воспринимается как обычное слово [16].

Противопоставление *свой/чужой* в этой группе этнофолизмов аксиологически реализуется в виде оппозиции «хороший – плохой» [3] с резко отрицательной коннотацией относительно того, что принадлежит запредельному миру. Когнитивно-прагматическая природа таких этнонимов предопределяется тем, что они совмещают в себе, с одной стороны, парадоксальные, нелепые, обыденные жизненные наблюдения, а с другой – эмоционально окрашенные впечатления о поведении и привычках другого народа. Причём когнитивный план этнонимов данной группы вторичен по отношению к изначально доминантному прагматическому аспекту. И в этом отношении они представляют собой многогранный объект лингвокультурологии, поскольку являются носителями различной социокультурной информации (антропологической, гносеологической, дискурсивной, этнографической, социально-психологической и др.).

Экспликация данной информации обуславливает актуальность и научную значимость исследования аксиологических коннотаций славянских этнонимов.

Заключение

Изначально этнофолизмы возникают как словесные ярлыки на основе стереотипов, обыденных представлений, нередко с преизбыточными мифическими и вульгарными смыслами. Они используются

в речи как поверхностные, шаблонные, но явные или скрытые предвзятые определения, лишённые объективной аксиологии.

Аксиологические коннотации славянских этнофолизмов порождаются нездоровым социальным климатом, политическими противоречиями, экономической нестабильностью. Однако славянские этнонимы выражают этническую нетерпимость только в том случае, когда отношение к самому этносу выходит за пределы толерантности. В толерантных пределах у них снижается уничижительный накал. Иными словами, этническая толерантность уменьшается пропорционально росту деструктивных тенденций, когда ответственность за общественные неурядицы безосновно возлагается на представителей какой-либо этнической группы или на весь этнос. Название этноса становится своеобразным средством отвлечения от прямой межэтнической конфронтации, когда негативные эмоции, направленные на какой-либо этнос, переносятся на его ксенофобское прозвище. Этнофолизмы как средства выражения ксенофобии опасны в контексте новых вызовов современности, среди которых возрастает межэтническая нетерпимость и спровоцированный ею интерес к поиску аргументации (как правило, ложной) своего этнокультурного и цивилизационного превосходства.

Среди прочих факторов нормализации межэтнических отношений славянских народов может служить осмысление их генеалогического родства и единых культурно-исторических корней. В частности, адекватное понимание этнонимов служит укреплению и оживлению генетической памяти, необходимой для достижения межэтнического согласия.

Примечание

1. Под модусом нами понимается отношение к этносу через призму субъективного, эмоционально-личностного восприятия (модальная часть диктума, по Ш. Балли).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 288 с.

2. *Белова О.В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 2006. 48 с.

3. *Березович Е.Л.* О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–18.

4. *Бромлей Ю.В.* К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей // Этнос и политика. М.: Наука, 2000. С. 13–20.
5. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
6. *Бунак В.В.* Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965. 414 с.
7. *Вержбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки русской культуры, 2001. 380 с.
8. *Ефремова Т.С.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2: П–Я. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
9. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 267 с.
10. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 457 с.
11. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 369 с.
12. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. СПб.: ЮНА, 1992. 272 с.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 579.
14. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / отв. ред. Н.С. Ганцевская. Кострома: ГУОВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. 347 с.
15. Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 10.
16. *Карпьяк О.* Вата с укропом: язык политических мемов // BBC Украина. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140808_ru_s_new_words (дата обращения: 12.05.2023).
17. *Кирилина А.В.* Отражение этнической напряженности в российском Интернете (на материале сайта демотиваторов и жанров «блог» и «читательский комментарий к тексту СМИ») // Круглый стол Института языкознания РАН и Московского института лингвистики «Межэтническое общение. Контакты и конфликты», 27–28 октября 2011.
18. *Ляшенко И.В., Ромашина О.Ю., Федюнина И.Э.* Актуализация «устаревшего» прозвища *москаль* в украинской и российской блогосферах // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». URL: <http://researchresult.ru/media/linguistics/2016/3> (дата обращения: 08.09.2016).
19. *Маслова В.А.* Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2008. Т. 4. С. 30–37.
20. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. 2007. 784 с.
21. *Мучкина Е.С.* Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // Филология и человек. 2010. № 4. С. 107–188.

22. Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича і других. Спорудив М. Номис. СПб., 1864.
23. Повесть временных лет / подг. текста, пер. [на современную орфографию] и коммен. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 543 с. По Ипатьевскому списку, хранящемуся в Библиотеке. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 10.06.2023).
24. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А. Афанасьев. Репринтное издание. М.: Сов. писатель, 1995. Т. 3. 840 с.
25. Садохин А.П. Этнология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. 320 с.
26. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988. С. 4–10.
27. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
28. Толстая С.М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы. 2012. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения: 12.05.2023).
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Т–Ящур) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
30. Чумак-Жунь И.И. Язык как маркер эпохи: свои/чужие в коллективном сознании и в языковой среде // VIII Путилинские чтения. Белгород: БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина, 2022. С. 150–155.
31. Шафарик П.Й. Славянские древности. От Геродота до падения Гуннской и Римской держав (465 до н.э. – 469–476 н.э.) / пер. с чеш. О.М. Бодянского. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2015. 476 с.
32. Шнет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996. 156 с.
33. Šubrt J. Vzpomínka na pražské Pepíky // Večerní národní listy. 1940. № 80. S. 3.
34. Етимологічний словник української мови: у 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні / редкол. О.С. Мельничук (головний ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1983. Т. 3. 552 с.

REFERENCES

1. Alefirenko, N.F. (2016) *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. The value-semantic space of language]. Moscow: Flinta: Nauka.

2. Belova, O.V. (2006) *Etnicheskie stereotipy po dannym yazyka i narodnoy kul'tury slavyan (etnolingvisticheskoe issledovanie)* [Ethnic stereotypes according to the language and folk culture of the Slavs (an ethnolinguistic research)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

3. Berezovich, E.L. (2006) O yavlenii leksicheskoy ksenomotivatsii [On the phenomenon of lexical xenomotivation]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 3–18.

4. Bromley, Yu.V. (2000) K voprosu o vydelenii etnosov sredi drugikh chelovecheskikh obshchnostey [On distinguishing ethnic groups from other human communities]. In: *Etnos i politika* [Ethnicity and Politics]. Moscow: Nauka. pp. 13–20.

5. Bromley, Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnicity]. Moscow: Nauka.

6. Bunak, V.V. (1965) *Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda po antropologicheskim dannym* [The origin and ethnic history of the Russian people according to anthropological data]. Moscow: [s.n.].

7. Verzhbitskaya, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

8. Efremova, T.S. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

9. Yanin, V.L. (1987) “*Velikaya khronika*” o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv. [The “Great Chronicle” about Poland, Rus and their neighbors in the 11th–13th centuries]. Moscow: Moscow State University.

10. Gerd, A.S. (2005) *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to ethnolinguistics: a course of lectures and a reader]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

11. Grishaeva, L.I. & Tsurikova, L.V. (2003) *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Voronezh: VSU.

12. Gumilev, L.N. (1992) *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. St. Petersburg: YuNA.

13. Dal', V.I. (1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. St. Petersburg: M.O. Volf. p. 579.

14. Gantsevskaya, N.S. (ed.) (2006) *Zhivoe kostromskoe slovo. Kratkiy kostromskoy oblastnoy slovar'* [The living Kostroma word. A Brief Kostroma Regional Dictionary]. Kostroma: KSU.

15. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1870) 10.

16. Karpuyak, O. (2014) *Vata s ukropom: yazyk politicheskikh memov* [Vata with ukrop: The language of political memes]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140808_ru_s_new_words (Accessed: 12th May 2023).

17. Kirilina, A.V. (2011) Otrazhenie etnicheskoy napryazhennosti v rossiyskom Internete (na materiale sayta demotivatorov i zhanrov “blog” i “chitatel’skiy kommentariy k tekstu SMI”) [Reflection of ethnic tensions on the Russian Internet (based on the site of demotivators and the genres “blog” and “reader’s commentary on the media text”).] *Kruglyy stol Instituta yazykoznaniya RAN i Moskovskogo instituta lingvistiki “Mezhetnicheskoe obshchenie. Kontakty i konflikty”* [Round table of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and the Moscow Institute of Linguistics “Interethnic Communication. Contacts and Conflicts”]. October, 27–28. 2011.

18. Lyashenko, I.V., Romashina, O.Yu. & Fedyunina, I.E. (2016) *Aktualizatsiya “ustarevshogo” prozvishcha moskal’ v ukrainskoy i rossiyskoy blogosferakh* [Updating the “outdated” nickname Moskal in the Ukrainian and Russian blogospheres]. [Online] Available from: <http://researchresult.ru/media/linguistics/2016/3> (Accessed: 8th September 2016).

19. Maslova, V.A. (2008) Kul’turnyy stereotip i ego rol’ v povedenii skvoz’ prizmu yazyka [Cultural stereotype and its role in behavior through the prism of language]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudvrstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova*. 4. pp. 30–37.

20. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol’shoy slovar’ russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: Olma Media Grupp.

21. Muchkina, E.S. (2010) Etnicheskie stereotipy i ikh otrazhenie v semantike etnonimov [Ethnic stereotypes and their reflection in the semantics of ethnonyms]. *Filologiya i chelovek*. 4. pp. 107–188.

22. Nomis, M. (1864) *Ukrains’ki prikazki, prisliv’ya i take inshe. Zbirniki O.V. Markovicha i drugikh. Sporudiv M. Nomis*. St. Petersburg: [s.n.].

23. Tvorogov, O.V. (ed.) (1997) *Povest’ vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A. Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4869> (Accessed: 10th June 2023).

24. Afanasiev, A. (1995) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Sov. pisatel’.

25. Sadokhin, A.P. (2003) *Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: [s.n.].

26. Sorokin, Yu.A. & Markovina, I.Yu. (1988) Ponyatie “chuzhoy” v yazykovom i kul’turnom kontekste [The concept of “alien” in the linguistic and cultural context]. In: *Yazyk: etnokul’turnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Language: Ethnocultural and Pragmatic Aspects]. Dnepropetrovsk: [s.n.]. pp. 4–10.

27. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

28. Tolstaya, S.M. (2012) *Etnolingvistika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Ethnolinguistics: Current State and Prospects]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (Accessed: 12th May 2023).

29. Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [A Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

30. Chumak-Zhun, I.I. (2022) Yazyk kak marker epokhi: svoi/chuzhie v kollektivnom soznanii i v yazykovoy srede [Language as a marker of an era: us/them in the collective consciousness and in the linguistic environment]. In: *VIII Putilinskie chteniya* [The 8th Putilin Readings]. Belgorod: MIA of Russia. pp. 150–155.

31. Shafarik, P.Y. (2015) *Slavyanskije drevnosti. Ot Gerodota do padeniya Gunnskoj i Rimskoj derzhav (465 do n.e. – 469–476 n.e.)* [Slavic antiquities. From Herodotus to the fall of the Hunnic and Roman powers (465 BC – 469–476 AD)]. Translated from Czech by O.M. Bodyansky. Moscow: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater.

32. Shpet, G.G. (1996) *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. St. Petersburg: Aleteyya.

33. Šubrt, J. (1940) Vzpomínka na pražské Pepíky. *Večerní národní listy*. 80. p. 3.

34. Melnichuk, O.S. (ed.) (1983) *Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: u 7 t.* [Etymological dictionary of Ukrainian language: 7 vols]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Nikolai F. Alefirenko – Belgorod State University (Russia).

E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Irina I. Chumak-Zhun – Belgorod State National Research University (Russia).

E-mail: chumak@bsu.edu.ru